

Письмо Е.А.Ладыженской к В.П.Желиховской (24 июня 1880 г.)

24 Июня 1880.
Порхов, Тягуще¹.

В эти местности не скоро доходят и не быстро излетают из них письма.

Ваше сообщение², любезнейшая Вера Петровна, так меня поразило, что я в тот же день хотела поговорить с вами о моей милой, незабвенной княгине Наталье Петровне Шаликовой³,

---

Публикуется по: ГАРФ, ф. 5972, оп. 4, д. 1.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Ладыженская Елизавета Александровна (урожд. Сушкова, 1815–1883) – двоюродная сестра писательницы Елены Андреевны Ган (1814–1842), матери Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

Е.П.Блаватская в письме в редакцию газеты «Московские ведомости» от 29 февраля 1880 г. писала: «Мне обещали через Елизавету Алекс[андровну] Ладыженскую высылать мои напечатанные главы “Из Пещер и проч.” с первого дня их появления...» (<https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/rukopisi.html>).

Желиховская Вера Петровна (1835–1896) – писательница, драматург, сестра Е.П.Блаватской.

¹ Псковская губерния.

² См.: «Раз вечером у меня в гостиной сидели за сеансом, а я была занята в своей комнате за двумя запертыми дверями, так что ничего не слыхала. В то время я только что начала печатать в педагогических журналах детские рассказы, которые прежде писала единственно для удовольствия своих детей. Прежде я – по пословице “гром не грянет – мужик не перекрестится!” – никогда не думала о литературном заработке; в последние годы пришлось работать. Кроме детских рассказов, я много сотрудничала в местных газетах, но не дерзала ничего посылать в столичные журналы. В это время у меня был написан небольшой рассказ, но я решительно не знала, что с ним делать? Не хотелось, чтоб он пропал даром, а между тем я была уверена, что в редакциях взглянут на неизвестное имя автора и обложат... даже не под сукно, а вероятно – под стол! Надо сказать, что никто, даже мои дети, ничего не знали о моих работах и недоумениях. За столом сидели: Маша (неграмотная), Э.А.Бабаева и товарищ моего старшего сына, корнет Попов. Нечего и говорить, что двое последних не могли иметь ни малейшего понятия о моих размышлениях и тревогах. Дети, задававшие вопросы, восхищались верностью ответов, получаемых ими, и догадливостью “стола”, и звали меня послушать, подивиться. Не особенно доверяя их восторгам, я неохотно вошла в гостиную. Дочери начали умолять меня “задумать”.

– Задумать не трудно, да ведь он соврет! – сказала я, а в голове моей между тем промелькнул вопрос: сколько мог бы мне доставить мой маленький рассказ?.. – Хорошо, – сказала я, – я задумала.

Ответ явился немедленно: “250 рублей”. Заинтересованная удачным ответом (который, замечу, кстати, оказался совершенно верным), я сказала:

– Молодец, стол! Ну, говори дальше, – и подумала: “Посоветуй, куда мне послать его?”

Вообразите мое удивление, когда стол ясно простучал:

“Пошли Михаилу, пиши ему, а я повлияю”.

Я сообразила смысл ответа раньше, чем прочла его моя дочь, записывавшая буквы.

Кто такой Михаил?.. Естественно мысли всех обратились к Е[го] И[мператорскому] В[еличеству] Великому Князю, бывшему наместнику Кавказскому.

– Ты хочешь просить о чем-нибудь Великого Князя, мама? – засыпали меня дети вопросами. – Ты о нем думала?

– А кто же это такой влиятельный?.. Кто это думает повлиять на него? – смеялись сидевшие за столом.

– Да, погодите! – сказала я, понятно сильно изумленная.

– Речь идет совсем не о Великом Князе. О каком ты говоришь Михаиле? Назови ясней! – обратилась я к столу.

Он тотчас же простучал полную фразу:

“Пошли Михаилу Никифоровичу Каткову, а я устрою твое дело”.

– Да ты-то кто такой?.. – было нашим настойчивым вопросом.

Тут общему удивлению не стало границ: стуками сказано следующее:

“Я княжна Наталья Шаликова. Мы были с ним большие друзья. Я помогу тебе”.

Надо сказать, что ни один человек из присутствовавших, кроме, быть может, когда-то меня самой, не имел понятия, что М.Н.Катков женат на Шаликовой, а так как в Тифлисе множество Шаликовых, то дети мои и прочие так и ахнули. Вот-де еще новости! Какая-то грузинская княжна Шаликова хвастается своим влиянием на Каткова!

Стол стал сильно волноваться и простучал:

“Я не *какая-нибудь!* Я сестра жены Каткова! Он меня очень любит... Я попрошу его, и он прочтет твою повесть».

Мы все на одну минуту притихли.

– Скажи, пожалуйста, ты жива или умерла?

– Когда ты умерла? Давно ли? – снова посыпались вопросы.

которой я закрыла глаза 10 июля 1878 г. Желание присоединить и ее карточку, так как у меня их две, заставило дожидаться не прибывшей еще моей поклажи; теперь, с первой посылкою в Порхов, отстоящий от нас на 40 в[ерст], спешу познакомить вас с вашей покровительницей. Кроме того, сегодня же напишу дивное ваше сказание общей нашей и жены Каткова⁴ – Соф[ьи] Пет[ровны]⁵, родной сестры *моей* княжны – приятельнице, С[офье] Дм[итриевне] Кареевой, с которой я 7 лет провела дружески в одном коридоре той же университетской типографии⁶. Мой рассказ мож[ет] быть возбудит их любопытство и подвинет ваши дела⁷. Не сомневайтесь в моем сильном желании быть вам полезной. Но с какою радостью передала бы я их успешность милой моей княжне, а вас просила бы молиться об ней. Несмотря на свой светлый, артистический ум и теплую религиозность, она ужасно боялась смерти, и еще в последние дни я сделала ей за это выговор. Не знаю, как буду умирать сама, но во всю жизнь я находила смерть пленительнее всего, что нам дано или что мы встречаем здесь.

И так, свояченица М[ихаила] Н[ик[и]ф[оро]в[ича] Каткова, кн[яз]ж[на] Шаликова, была прелестнейшим созданием; на 18 лет старше своей сестры, она никогда не решалась выйти замуж; ей даже не верилось, чтобы идеалистки, как мы, могли найти, хоть минутно, приблизительное⁸ осуществление нашим понятиям о любви. Но она любила все и всех, была чрезвычайно общежительна, оставаясь не на людях она хандрила, капризничала; это мешало всем ее знавшим иметь о ней серьезное уважение, кот[орое] она заслуживала своими положительными качествами; иные другини позволяли себе даже в последнюю ее болезнь подсмеиваться над нею; на них я, конечно, раз опрокинула гневную диатрибу⁹, хотя она и мне два надоела своим бесчисленным повторением, что рис в супе недовольно разварен или горничная пролила $\frac{1}{2}$ лекарства. Такие мелочи делали домашним жизнь с нею не довольно приятною, что было очень жаль в сопоставлении с ее добрейшею, высокою душою и талантами. Она была страстною музыкантшею, в молодости восхитительно танцевала, была остроумна без малейшей колкости, любила поэзию, все хорошее в литературах и сама писала очень изрядные повести под псевдонимом Е.Нарской. – Состоянием она имела какую-то ничтожную пенсию, но сестра ее с мужем исполняли все ее хотения, часто бывавшие затеями. Так, почти каждый год она ездила за границу, особенно если заслышит о каком новом способе лечения; магнетизму верила слепо, спиритизма боялась, в чем, конечно, подкрепляла и я ее, наводя в ней сомнения и на самый магнетизм. Верю, что эти вещи существуют, что они в ходу, как и многие другие, иные, прочие, об которых практиканты умалчивают, но я питаю к ним подозрение и отвращение.

Очень занимает меня ее появление у вас. Она была так услужлива и много делала добра по своим родственным и светским связям, никогда никого не обманывая. Посмотрим, такова ли осталась она и отрешившись от дела? Она (если это *она*?) могла провидеть ваше тягостное положение и то, что поощрение может развернуть ваш талант вполне; ее участие к трудам

Ответ был замечателен *своей правдой*.

“В июле два года будет *моей* смерти. Наталья Петровна Шаликова умерла, но я жива и все та же. Надейся на мою помощь. Посылай рукопись в “Русский вестник”, – все устроится”.

Нечего и говорить, что я так и сделала. Потом я написала обо всем этом своей родственнице Е.П.Ладыженской, узнав, что она хорошо знакома с Катковыми, и просила ее сообщить мне, правду ли рассказывала о себе Н.П.Шаликова, если существовала такая особа. Ответа долго не было, но когда он пришел, то поверг нас всех в изумление. Елизавета Александровна прислала мне карточку покойной княжны, сообщала подробности о ее жизни и смерти и подтверждала, что 10 июля 1878 г. она сама закрыла ей глаза. Рассказ мой тоже появился в печати в июле, чуть ли не в годовщину ее смерти» (*Желиховская В.П.* Необъяснимое и необъясненное. (Из личных и семейных воспоминаний) // Ребус, 1885, №13, 7 апреля; <https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

³ Шаликова Наталья Петровна (1815–1878) – писательница.

⁴ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости».

⁵ Каткова Софья Петровна (1832–1913) – жена М.Н.Каткова, сестра Н.П.Шаликовой.

⁶ Речь идет о типографии Московского университета, в которой печатались катковские периодические издания и книги.

⁷ Речь идет о попытке публикации в журнале «Русский вестник» рассказа В.П.Желиховской «На Черном море», который в итоге и был напечатан в №7 за 1880 г.

⁸ Далее зачеркнуто: *его*.

⁹ Диатриба – речь (устная или письменная), содержащая жестокую, резкую критику.

глубоко-чтимого beau frère¹⁰ тоже могло ее подстрекнуть... Увидим, каков будет результат. При похвальной, столь сходной с ее привычками, полной участия природе, окажет ли она мощь повлиять на нашего редактора? That is the question¹¹.

Я с своей стороны рада, что получила об ней весточку, хотя, мож[ет] б[ыть], недостоверную, но вам свидетельствую, что она была милая, правдивая, добродушнейшая дева. Никогда никого не хулила, напротив выискивала его сокровенные достоинства. Некоторые взбалмошности были единственными ее недостатком и – пристрастие к жизни с ее шумными, пестрыми утехами, не допускаящими ее и при дверях гроба глубоко вникнуть в себя и в упования христиан. Спросите ее, каков ее удел там. Я мало об ней беспокоюсь, а пламенно желаю, чтобы она была изумлена благами и преизбытком жизни, кот[орые] сама надеюсь обрести «в стране живых».

Отвечайте мне поскорее, моя милая. Кланяйтесь всем вашим. Мои внуки и сын так ко мне милы, что ничем иным не хочется заняться. Однако, немедленно примусь за ошеломление моей Соф[ьи] Дм[итриевны]. С крепкою дружбою сжимаю вашу руку. Ел. Ладыженская.

---

¹⁰ свояка (фр.).

¹¹ Вот в чем вопрос (англ.) – слова из трагедии У.Шекспира «Гамлет».